

Степанов В. П.,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой социальных наук и этнонациональных процессов
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

К вопросу о традиционных поминальных практиках гагаузов и болгар Республики Молдова

Автор уделяет внимание поминальной обрядности, которая условно может быть разделена на поминальные действия, направленные на оберегание тела умершего от влияния злых сил, и на комплекс обрядовых представлений, обеспечивающих избегание живыми, прежде всего родственниками, дурного воздействия со стороны неупокоенного духа, действующего через тело умершего.

Рассматриваются повторные погребения в среде задунайских переселенцев в Пруто-Днестровском междуречье. Обращается внимание на сокращение представлений о повторных погребениях в среде болгаро-гагаузского населения современной Республики Молдова.

Ключевые слова: *незахороненное тело, повторное погребение, запечатывание, обряд выравнивания могилы, жертвоприношение, вампир, оборотень.*

Stepanov V. P.,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of Social Anthropology and Ethnic Processes,
Orel State University named after I.S. Turgenev

On the issue of traditional memorial practices of the Gagauz and Bulgarians of the Republic of Moldova

The author draws attention to the funeral rites. Funeral rites can be divided into memorial actions and a set of ritual performances. Memorial actions are aimed at protecting the body of the deceased from the influence of evil forces. The complex of ritual representations ensures that the living, first of all relatives, avoid bad influence from the unsettled spirit acting through the body of the deceased.

Discusses the re-burial, in the environment of the Zadunaisky settlers in the Prut-Dniester interfluve. Attention is drawn to the reduction of ideas about repeated burials among the Bulgarian-Gagauz population of the modern Republic of Moldova.

Keywords: *unburied body, re-burial, sealing, grave alignment rite, sacrifice, vampire, werewolf.*

Культ мертвого незахороненного тела

Еще в начале века в Европе увидела свет книга Р. Герца «Смерть и правая рука», в которой он справедливо обращает внимание на то, что

многочисленные народы в мире разделяют свои представления о материальном теле умершего и его душе. Причем душа, при соблюдении необходимых ритуалов, может быть полезной для живых, а при несоблюдении – опасной для всего живого: близких, соседей, селян, урожая, скота и т. п.

Но особые опасения были связаны с культом мертвого, незахороненного тела, к которому в различных культурах исстари относились с большой осторожностью. Причем тело умершего вызывало либо страх/ужас (особенно если принадлежало самоубийце, утопленнику, умершему от чрезмерного злоупотребления алкоголем, некрещеному младенцу), либо, при выполнении необходимых обрядов, являлось нейтральным, но никак не добрым, продолжая сохранять определенную угрозу до тех пор, пока не будет окончательно упокоено.

Но и здесь не хотелось бы быть столь односторонним. Не случайно Р. Герц обращает внимание на определенные действия, направленные на защиту самого умершего от злых сил. У изучаемых им народов, в частности индонезийцев, это целый сонм злых духов, угрожающих упокоению умершего. Задача живых – помешать им [Герц, 2019: 55-56].

Таким образом, для живых в данном случае вырисовываются две составляющие, которые накладываются друг на друга: страх перед покойником и стремление обеспечить ему упокоение, защитить от попадания под влияние злых сил, что опять же *приведет к угрозе в отношении живых*.

Не случайно достаточно долго у многих народов сохранялось убеждение о необходимости как можно скорее захоронить умершего (до захода солнца в день смерти или на следующий день)¹. Одной из причин столь быстрого захоронения может выступать стремление избавиться от тела умершего, способного навредить. Уже позже у основной массы православных появляется традиция хоронить на третий день. Хотя у многих этнорелигиозных сообществ по-прежнему принято хоронить умерших в более короткий срок (иудеи, мусульмане).

У христиан, в том числе в Пруто-Днестровском междуречье, до сих пор распространено немало архаических, вероятно, еще дохристианских оберегов, направленных на избегание дурного влияния со стороны тела умершего. Речь идет об избегании открывать глаза покойнику (будет еще смерть/смерти в семье покойника), ничего нельзя забирать с тела умершего (это принадлежит ему, и он может на это обидеться). Сюда же можно отнести часто встречающуюся традицию – на закрытые глаза умершего накладывать монеты. Кстати, уже упомянутый Р. Герц допустил то, что данный «обряд имеет двойную задачу, как это часто бывает: он одновременно (что и сбивает с толку) предотвращает распространение смертельного воздействия трупа и закрывает путь злым духам, которые хотят проникнуть в труп и овладеть им» [Герц, 2019: 56].

Вероятно, более поздним напластованием, практически забытым под влиянием атеистической пропаганды, является суеверное представление о том, что если умершего не отпеть, то он может стать призраком.

У всех православных народов Пруто-Днестровских районов имело широкое распространение бдение у ночного гроба умершего. В настоящее время данная практика значительно сократилась, в том числе под влиянием неплохо развитого похоронного сервиса, позволяющего подготавливать и сохранять в морге тело умершего, а к дому подвозить уже непосредственно к часу церемонии прощания [Соколова, 2011: 187-202].

Во время ночного бдения читается псалтырь, вспоминается умерший. У русино-украинского населения края молодежь даже устраивала игры при покойнике («мерці» – укр.) [Степанов, 2001: 104]. Делалось это для того, чтобы унять страх у бдящих от присутствия среди них тела умершего. Следует предположить, что традиция накрывания лица умершего на ночь тоже представляет своеобразную форму оберега.

Если продолжать разговор об угрозах, которые рисовались в народных представлениях об умершем (не о его духе), нужно назвать ряд оберегов, касающихся транспортирования тела до могилы:

- народные запреты, идущие вразрез с разрешением церковью нести гроб с покойником близким умершего;
- запрет переходить дорогу похоронной процессии (обижать покойника), что может привести к заболеванию или смерти;
- пить воду, мимо которой проносили покойника, что может привести к смерти;
- «запечатывание покойника» [Колев, 1997: 369-378] – обряд, распространенный среди православного населения Молдовы и Украины, в регионах Южной России.

Справедливо предположить, что вышеназванный поминальный православный обряд, получивший региональное распространение, может также рассматриваться как архаическая традиция отделения покойника от живых.

В народном представлении, при запечатывании гроба все участники похоронного действия бросают по одной либо по три горсти земли после окропления опаусом, осуществленного священником, который после данного действия первым бросает землю.

Неуспокоенность, по народным представлениям, может быть вызвана «приплакиванием» умершего. В народе считалось, что сильно плакать по покойнику опасно для того, кто это делает: тот может прийти и забрать с собой человека, который сильно страдает по нему. Особой опасностью считалась ситуация, когда у живого супруга от тоски по умершему возникали видения или его посещали сны, в которых умерший супруг/супруга вступали с оставшимся в живых брачным партнером в интимную связь. Исследователь С. Ю. Неклюдов справедливо подчеркивает, что *«сексуальные устремления такого оборотня обычно неотделимы от каннибальских/вампирических намерений: его жертва худеет, бледнеет, что и дает возможность заподозрить происки демона»* [Неклюдов, 2015: 7].

Еще одной стороной, которую можно увязать больше с телом умершего, нежели с его душой, может выступать ежеутренняя традиция поливания свежей

могилы, распространенная среди болгар, близкими родственницами умершего в разных селах от девяти до сорока дней. Одна из услышанных автором причин, объясняющих это действо, – чтобы покойник не прислал засуху... Причем следует подчеркнуть, что поливание могилы осуществляется в качестве обязательного обряда для всех умерших, в том числе для тех, кто вел праведный образ жизни, не грешивших и не знавшихся с демоническими силами.

Повторное погребение

Обращает на себя внимание еще одна сторона, на которой нельзя не остановиться. Речь идет о повторном захоронении. У болгар и гагаузов Молдовы условно можно выделить несколько видов подобных действ. Они по большей части забыты, но упоминаются в литературе и, эпизодически, – в воспоминаниях пожилых респондентов.

Первое, с чего можно начать, – это выкапывание вампира, ритуальные действия с ним во избежание его вредоносного воздействия и повторное его закапывание.

Прежде чем перейти к описанию вампиров, необходимо сделать небольшое пояснение.

Бдение у гроба с чтением псалтыря представляет собой наложение христианского покаяния на языческие представления об опасности покойника. Вообще, в связи с законсервированностью похоронно-поминальной обрядности в интерпретации отдельных ее элементов прослеживается немало дохристианских представлений. Например, у болгар и гагаузов, как, собственно, и у других православных народов края, продолжает сохраняться представление об избегании допускать к гробу, где лежит покойник, кошку. Причем изначальная причина данного запрета в народной среде в основном забыта. Сегодня можно встретить представления о том, что «кошка грязная, ходит везде» или «нельзя оставлять кошку у гроба, может погрызть уши или нос покойника». Однако раньше, еще в XIX – начале XX в., в народной среде и в литературе того времени были зафиксированы представления о том, что покойник, через которого перепрыгнет ночью кошка, станет вампиром. То же угрожало произойти, если кошка (значительно реже называлась собака) перепрыгнет через выкопанную могилу. По той самой причине, из-за опасения кошек и собак, у православных жителей края, в частности у болгар и гагаузов, могилу докапывали в день похорон и не отходили от нее вплоть до завершения процедуры захоронения. Подобного рода поведение до сих пор имеет место в ряде сел с болгарским и гагаузским населением в Молдове. Подобную практику можно объяснить значительным балканским культурным влиянием. Как подчеркивает исследовательница О. В. Трефилова, *«практически повсеместно на Балканах над покойником бдят, „стерегут“, чтобы его не перескочила кошка, т. к. верят, что в этом случае он может превратиться в вампира, если через него или через могилу что-нибудь передать, если перепрыгнуть через могилу во время похорон»* [Трефилова, 2019: 155].

В научной [Очерки истории..., 1968: 21], научно-популярной [Дачник, 2015] и художественной² литературе имеется немало упоминаний о кошке как

животном, живущем на границе двух миров. Отсюда и столь двойственное отношение к нему в фольклоре³.

Приведем несколько цитат авторов о представлениях болгар Болгарии и болгарских колоний России:

«Существует множество обычаев и действий, направленных на защиту умершего от вампиров – положить на труп крест, чеснок, икону, ладан, окружают мертвое тело просом, освещают свечой, или сжигать хлопок и т. п. Страх вампира в некоторых местах настолько силен, что для предотвращения такой возможности или для уничтожения уже вампира, прибегают к причудливым операциям с мертвым перед его похоронами, а иногда и после его захоронения, обнаруживая могилу» [Вакарелски, 1974: 584].

«Через труп покойника, пока он еще остается в доме, не должна перепрыгнуть кошка, собака или другое какое-либо животное: если же присутствующие не уследят и этот факт случится, то душа покойника будет беспокоить живых людей; в последнем случае, чтобы предотвратить беду, покойника выкапывают из могилы и заостренной терновой палкой прокалывают сердце, чтобы потекла кровь, после чего покойник умирает окончательно и перестает беспокоить живых родственников и знакомых» [Державин, 1914 (1991): 150-151].

«Некогда существовали вампиры, которые высасывали у людей кровь, через которых, когда они еще не зарыты, перепрыгнет кошка; поэтому следует следить, чтобы кошка не перепрыгнула через мертвеца, когда он лежит в гробу. Есть вампиры и теперь, но теперь они безвредны»⁴.

У гагаузов также слагались многочисленные легенды о вредоносных вампирах [Манов, 1938: 57]. На основании преданий имели место вскрытия могил, в которых якобы лежали «хибуры». Осуществлялось это для того, чтобы обезопасить живых от кровожадного вампира. Для этого вынимали сердце умершего и обливали его кипятком, забивали в грудь три кола, после чего заново предавали тело земле [Курогло, 1980: 94].

Исследовательница Э. Банкова подчеркивает, что у гагаузов был настолько велик страх перед покойниками, через которых перепрыгнула кошка, что их выносили особым образом, через окно. Ссылаясь на названную работу А. И. Манова, она обращает внимание на то, что таких покойников хоронили как заложных [Зеленин, 1995], вне пределов кладбища, забрасывая ветками [Банкова, [Электронный ресурс]].

Не меньший страх представляли собой личности (чаще женщины, но и мужчины), занимавшиеся при жизни ведовством, колдовством (по народным представлениям считалось, что они знали с нечистой силой). По сути, это вторая условная категория покойников, над которыми осуществлялись определенные ритуальные действия после выкапывания. Подобные представления касались не только болгар и гагаузов, но и других православных народов, живущих на двух берегах Днестра. Так, во время экспедиции в с. Воронково на левобережье Днестра, населенное в основном украинцами, автор зафиксировал от респондентов информацию о том, что в 50-е гг. XX в., когда в

селе была давно установлена советская власть и функционировал колхоз, случился неурожайный год. В ожидании дождя люди вспомнили, что с тех пор как умерла женщина, которую считали ведьмой, осадков не было. Собравшийся народ отправился на кладбище, причем власти этому не перечили. Там выкопали тело покойницы и вбили ей в грудь кол. По утверждению информаторов, после этого пошел дождь...

«Культурные круги» Ратцеля и Фробениуса уже достаточно раскритикованы, но тем не менее данный подход позволяет проследить распространение обряда повторных похорон от Болгарии в направлении Румынии и Молдовы, где в последней о подобной практике сохранились лишь отдельные представления.

Однако начнем рассмотрение проблемы от метрополии. Отталкиваясь от свидетельства Хр. Вакарельского, можно констатировать, что практика повторного захоронения была достаточно известна в Болгарии. Вот что пишет исследователь: *«Через несколько лет после захоронения, при необходимости, похоронить другого в той же могиле или в случае обычного копания могилы. Найденные кости промывают вином, повторно отпевают и снова хоронят, поместив в чистую торбу (мешок). В деревне, где в церквях есть склепы, только голова удаляется, моется, облачается в платок (если она женская) или в шапку/шляпу (если она мужская), и поэтому она некоторое время хранится в склепе...»* [Вакарелски, 1974: 589].

В ходе миграции болгары расселялись в Румынии и Бессарабии. Исследовательница О. В. Трефилова описывает болгарское поселение Бэлень-Сырбь, где проживают болгары, переселившиеся двести лет назад из Северо-Восточной Болгарии в Валахию (Румыния). Село образовано путем объединения румынского села Бэлень-Ромынь и болгарского Бэлень-Сырбь [Трефилова, 2019: 140]. И тем не менее в условиях иноэтничного румынского окружения отдельные элементы традиционной болгарской культуры сохранились, в частности практика повторных захоронений. Исследовательница обращает внимание на то, что в селе Бэлень-Сырбь *«известно и практикуется повторное (вторичное) погребение покойников, которые истлели до костей. Обычно повторное погребение обязательно тогда, когда в могилу с давно умершим кладут нового покойника. В этом случае истлевшие кости вынимают, обмывают их водой, поливают вином, рядом кладут женский платок (чомбёр) или мужской головной убор (палари'йъ, калпак), чтобы маркировать пол покойника. Эти кости складывают в маленький гроб (ящик) и ставят в ноги покойному во время отпевания. Таким образом, отпевают сразу двух покойников: старого и нового. При погребении захоранивают и нового, и прежнего покойника. Если тело не истлело, кости из могилы не вынимают. При этом в селе отсутствует обязательное повторное погребение через определенный срок»* [Трефилова, 2019: 180].

В ряде других болгарских сел в Румынии найденные при копании могилы кости обмывались, складывались в белую суму и хоронились в ногах

покойника, которому копали могилу (с. Вэрэштъ) [Васева, 2012: 262]. В других случаях кости обкуривались ладаном, относились в церковь, где над ними читалась священником молитва, после чего их также хоронили в ногах у нового покойника (с. Алунишу) [Васева, 2012: 262].

Одновременно автор обратила внимание на то, что четкий срок в семь лет установлен только для самоубийц, которых до этого времени не поминают, не подают на алтарь на проскомидию записку с их именами. По истечении данного времени самоубийцу выкапывают и над его телом совершают все требуемые для «правильного» христианина ритуалы и хоронят заново, поминая по всем правилам в установленное время [Трефилова, 2019: 174].

Если следовать далее в рассмотрении традиции двойных похорон, то можно констатировать, что в Республике Молдова вообще отсутствует практика повторных захоронений самоубийц. По крайней мере за двадцать пять лет изучения похоронно-поминальной обрядности населения края автору данной публикации не встречались подобные свидетельства со стороны респондентов-болгар и гагаузов.

Иначе обстоит дело с повторными похоронами в случае случайно найденных останков. В отдельных поселениях болгар Молдовы автором были зафиксированы свидетельства пожилых респондентов о том, что во время захоронений родственников, в «семейных» участках кладбища⁵ случаются такие прецеденты, когда во время подготовки могилы копатели натываются на старое захоронение, о котором порой не известно, кому принадлежит (бывают случаи, что на старых могилах не сохраняются надгробные памятники и кресты: время и эрозия делают свое дело). Впрочем, в любом случае, вне зависимости от того, известно ли, кому принадлежат останки или нет, кости собирают в платок и складывают в угол свежерытой могилы, предварительно полив красным вином.

Красное вино в данном случае прежде всего ассоциируется с кровью. Уже упоминавшийся в начале текста Р. Герц подчеркивал, что «кровь жертвы оживляет останки» [Герц, 2019: 126]. Можно предположить, что в данном случае мы сталкиваемся с рудиментом ритуального пробуждения или попытки воскресения найденного родственника.

В гагаузских селах также зафиксированы случаи, когда копатели могилы натывались на чужие кости. В этих обстоятельствах их складывали в сторону, поливали вином, а рядом опускали гроб покойника. При этом священник указывал на необходимость служения двух панихид.

В с. Владычень Болградского района Одесской области Украины, населенном преимущественно болгарами, сохранилось следующее поверье: если копающие могилу находили кости ранее захороненного человека, тот, кто дотрагивался до них, мог видеть сны, связанные с найденным мертвецом, – его жизнь, смерть и даже его сны [Захарченко, 2004: 53].

В с. Кортен Тараклийского района Республики Молдова пожилые респонденты подчеркивали, что найденные кости собирались, поливались вином, после чего обязательно заматывались в белую материю, потому что

«мъртвите се появиха на бяла светлина (болг.) / умерший появился на белый свет»⁶. В г. Тараклия кости заворачивались в платок, но перед этим вином не поливались⁷. В гагаузском с. Этулия найденные кости просто возвращались в свежевыкопанную могилу.

Практика захоронений в таком случае в селе Кортен осуществлялась посредством выкапывания так называемой нишеобразной могилы. Обнаруженные кости, завернутые, как отмечалось, в белую материю, помещались в выкопанную нишу – *«в дупката (болг.) / в дырочку»⁸*, а гроб с телом новопреставленного опускался в основную могилу. Сходная практика используется и в отдельных гагаузских поселениях. Так, в Этулии выкопанная в могиле ниша называлась *laam* (гаг.).

Один из старожилков села Василий Ильич Буюклы вспомнил: *«Делают лаам, и когда уже умерла, скажем, жена, открывают этот гроб, который закопали, а муж, который умер раньше в этом лааме, он лежит там целый. Некоторые есть смелые люди, вытаскивают и смотрят, я тоже смотрел, сохли ... делают доску на лаам, доску, чтобы туда, мол, не пошла земля, чтобы она там спокойная была, делает там щит. Доски ставятся, и когда уже открывается гроб, то покойник там находится целый»⁹.*

Итак, логично предположить, что чем дальше от болгарской метрополии, тем эпизодичнее народная интерпретация повторных похорон. Например, в среде бессарабских болгар и гагаузов, как видно из вышесказанного, наличествуют лишь отдельные представления о данном обряде, которые с уходом из жизни представителей старших поколений все больше забываются.

Обряд выравнивания могилы

В Пруто-Днестровском междуречье данный обряд свойственен только болгарам. На 40-й день родные и близкие *«утиват да рьвнът гроб»* (идут ровнять могилу).

С собой берется графин с вином или водой, цветы, букет из «бусилика» (то есть из базилика – болг. диал.), «тамян» (ладан), «кървайчита» (хлеб средних размеров). Помимо всего этого берется еще и камыш или палка длиной около полутора метров, необходимые для того, чтобы ровнять могилу.

Болгарский этнограф Христо Вакарельски также констатировал, что поминки у болгар Болгарии на 40-й день во многих местностях носят название «равненка», «равнение», но орудием, которым ровняли могилу, он называет лопату [Вакарелски, 1990: 144].

Один из вариантов выравнивания могилы следующий: самые юные из родственников, пришедших на кладбище, становятся по обеим сторонам могилы, берут девять камышин и, держа их по три, водят ими по могильному холму. Стебли камыша при этом немного утоплены в землю. Начинают движение от изголовья до ног, потом от ног до изголовья, потом снова от изголовья до ног и там, присыпав их землей, камышины оставляют. Младших участников сменяют более старшие, и все повторяется снова. Все участники обряда обязательно стараются подержаться за камышины, произнося при этом: *«Бог да гу прости»* (с. Чийшия, Украина). А вот в болгарском селе Кортен на юге Молдовы могилу ровняли только пожилые женщины¹⁰. Причем в данном

населенном пункте во время выполнения обряда выравнивания могилы палки зарывают в землю, чтобы умерший охранял себя – «за мъртвеца да се пази» (болг.). А еще две палки ломают на две части и зарывают их по углам могилы, как бы маркируя их.

Иногда в болгарских селах (Кирнички, Украина; Кортен, Республика Молдова, и др.) вместо камыша используют длинную палку, с помощью которой снимают верхнюю часть насыпи. Этот обряд символизирует строительство дома для усопшего, в котором он будет постоянно обитать. Когда равняют могилу, говорят, что умерший «Утива дъ се конкува» (идет на второе причастие к Господу), и тот решает, куда его принять.

Выравниванию могилы придают большое значение. В уже упомянутом селе Чийшия было зафиксировано представление, что вследствие выполнения данного обряда покойника «закрывают» посредством ритуального строительства последнего пристанища для него.

Проведенный анализ позволяет увидеть в похоронно-поминальных практиках попытку, направленную, с одной стороны, на то, чтобы обезопасить тело умершего от влияния злых сил, а с другой, – чтобы избежать его дурного влияния на живых.

При этом можно проследить, что ряд похоронно-поминальных обрядов направлен на избегание материального тела и страх перед мертвецом.

Примечания

1. При этом известны народы, которые, наоборот, оттягивают процесс похорон. Например, ромы в Республике Молдова откладывают процесс похорон до одного месяца. Как подчеркивает Р. Герц, «обычай временных погребений распространен чрезвычайно широко» [См.: Герц, 2019: 71].

2. Тут достаточно вспомнить знаменитых персонажей в образе кота из произведений А. Погорельского «Лафертовская маковница», А. Пушкина «Руслан и Людмила», М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Список можно продолжать, но и без того видно, что коту присваивается особый статус.

3. Чтобы не быть голословным, приведем один из анекдотов, который ходит по просторам Интернета: «А что, если коты просят открыть дверь не для того, чтобы вышли они или Вы, а для того, чтобы зашел кто-то иной? Это тот, на которого они смотрят потом в пустой угол ночью?»

4. Выделено автором для того, чтобы подчеркнуть, как на примере наблюдения Н. С. Державина из памяти поколений постепенно исчезают распространенные ранее представления о губительной силе вампиров [См.: Державин, 1914(1991): 177].

5. Известный факт, что хоронить близких, особенно на сельских кладбищах, принято возле родственников. Эта традиция разделяет кладбище на определенные сектора, которые образно можно обозначить как «семейные», где принято хоронить родственников определенного рода.

6. Респондент Челдар Иван Спиридонович, 1931 г. р., болгарин, постоянно проживает в с. Кортен (интервью 2009 г.); респондент Бахова Мария

Георгиевна, 1921 г. р., болгарка, постоянно проживает в с. Кортен (интервью 2009 г.).

7. Респондент Пасларь Надежда Ивановна, 1943 г. р., болгарка, постоянно проживает в г. Тараклия (интервью 2011 г.)

8. В г. Тараклия такая могила называется пудлын (болг. рег.)

9. Респондент Василий Ильич Буюклы, 1925 г. р., гагауз, постоянно проживает в с. Этулия (интервью 2009 г.).

10. Респондент Челдар Иван Спиридонович, 1931 г. р., болгарин, постоянно проживает в с. Кортен (интервью 2009 г.)

Список литературы

Банкова, [Электронный ресурс]. – *Банкова Е.* Погребальные обычаи у болгар и гагаузов Молдовы: общее и особенное // [Электронный ресурс]. URL: http://serin.su/publ/bankova_e_pogrebalnye_obychai_u_bolgar_i_gagauzov_moldovy_obshhee_i_osobennoe/1-1-0-60 (дата обращения: 03.01.2020).

Вакарелски, 1974. – *Вакарелски Хр.* Етнография на България. София, «Наука и изкуство» 1974. – 799 с.

Вакарелски, 1990 – *Вакарелски Х.* Български погребални обичаи. Сравнително изучаване. София, 1990, БАН. – 223 с.

Васева, 2012 – *Васева В.* Погребальные обычаи болгар Румынии (полевые наблюдения 90-х гг. XX в.). В: Плотникова А. А. (отв. ред.). Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура: 2009–2011. М., 2012. Вып. 2. – 456 с.

Герц, 2019 – *Герц Р.* Смерть и правая рука. М. ARS PRESS, 2019. – 264 с.

Дачник, 2015 – *Дачник А.* Баня. Очерки этнографии и медицины. Часть I. [Электронный ресурс]. URL: www.Dom.Dacha-Dom.ru, 2015. – 234 с. (дата обращения: 28.12.2019).

Державин, 1914/1991 – *Державин Н. С.* Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). София. Мартилен, 1914. Репринтное издание 1991. – 260 с.

Захарченко, 2004 – *Захарченко Г. Н.* Традиційна поховальна обрядовість слов'янського населення Південно-Західної України середини XIX – XX ст.: ритуальна структура та її статевовіковий аспект. Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2004. – 164 с.

Зеленин, 1995 – *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки / Вступ. ст. Н. И. Толстого; подготовка текста, коммент., указат. Е. Е. Левкиевской. М.: Издательство «Индрик», 1995. – 432 стр.

Колев, 1997 – *Колев Н.* Обичаи и обреди свързани със смъртта и погребението // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Одеса, 1997. Т. 6. С. 369. – 378 с.

Курогло, 1980. – *Курогло С.* Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX в. Кишинев, 1980. – 138 с.

Манов, 1938 – *Манов А. И.* Потеклото на гагаузите и техните обичаи и нрави. Варна, 1938. – 182 с.

Неклюдов, 2015 – *Неклюдов С. Ю.* Откуда берутся оборотни // Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации. Материалы международной конференции (Москва, РАНХиГС, 11–12 декабря 2015) / Отв. ред. и сост. Д. И. Антонов. М.: Издательский дом «Дело», 2015. С. 7-14.

Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1968, Вып. 4.

Соколова, 2011 – *Соколова А. Д.* Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда / Антропологический форум, 2011, № 15. С. 187-202 // [Электронный ресурс]. URL:<http://cyberleninka.ru/article/n/pohorony-bez-покойника-transformatsii-traditsionnogo-pohoronnogo-obryada/viewer> (дата обращения: 25.12.2019).

Степанов, 2001 – *Степанов В. П.* Труды по этнографии народов Бессарабии XIX – начала XX веков. Кишинев: Pontos, 2001. – 263 с.

Трефилова, 2019 – *Трефилова О. В.* Похоронно-поминальная обрядность одного болгарского села в Валахии (Румыния) // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы. Колл. монография / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2019. – С. 147-187.

References

Bankova. [Elektronnyy resurs]. – *Bankova E.* Pogrebalnyye obychai u bolgar i gagauzov Moldovy: obshcheye i osobennoye// [Elektronnyy resurs]. URL:http://serin.su/publ/bankova_e_pogrebalnye_obychai_u_bolgar_i_gagauzov_moldovy_obshhee_i_osobennoe/1-1-0-60 (data obrashcheniya: 03.01.2020).

Vakarelski. 1974. – *Vakarelski Khr.* Etnografiya na Blgariya. Sofiya. «Nauka i izkustvo» 1974. – 799 s.

Vakarelski. 1990 – *Vakarelski Kh.* Blgarski pogrebalni obichai. Sravnitelno izuchavane. Sofiya. 1990. BAN. – 223 s.

Vaseva. 2012 – *Vaseva V.* Pogrebalnyye obychai bolgar Rumynii (polevyeye nablyudeniya 90-kh gg. XX v.). V: Plotnikova A. A. (otv. red.). Karpato-balkanskiy dialektnyy landshaft: Yazyk i kultura: 2009–2011. M., 2012. Vyp. 2. – 456 s.

Gerts. 2019 – *Gerts R.* Smert i pravaya ruka. M. ARS PRESS. 2019. – 264 s.

Dachnik. 2015 – *Dachnik A.* Banya. Ocherki etnografii i meditsiny. Chast I. [Elektronnyy resurs]. URL: A. Dachnik // www.Dom.Dacha-Dom.ru. 2015. – 234 s. (data obrashcheniya: 28.12.2019).

Derzhavin. 1914/1991 – *Derzhavin N. S.* Bolgarskiye kolonii v Rossii (Tavrisheskaya. Khersonskaya i Bessarabskaya gubernii). Sofiya. Martilen. 1914. Reprintnoye izdaniye 1991. – 260 s.

Zakharchenko. 2004 – *Zakharchenko G. N.* Traditsiyna pokhovalna obryadovist slov'yanskogo naseleण्या Pivdenno-Zakhidnoï Ukraïni seredini XIX – XX st.: ritualna struktura ta її statevovikoviy aspekt. Dis. ... kand. ist. nauk. Kiïv. 2004. – 164 s.

Zelenin. 1995 – *Zelenin D. K.* Ocherki russkoy mifologii: Umershiye neyestestvennoyu smertyu i rusalki / Vstup. st. N. I. Tolstogo; podgotovka teksta. komment.. ukazat. E. E. Levkiyevskoy. M.: Izdatelstvo «Indrik». 1995. – 432 str.

Kolev. 1997 – *Kolev N.* Obichai i obredi svrznani ss smrtata i pogrebeniyeto // Blgarite v Severnoto Prichernomoriye. Izsledvaniya i materialy. Odesa. 1997. T. 6. S. 369. – 378 s.

Kuroglo. 1980. – *Kuroglo S.* Semeynaya obryadnost gagauzov v XIX – nachale XX v. Kishinev. 1980. – 138 s.

Manov. 1938 – *Manov A. I.* Potekloto na gagauzite i tekhnite obichai i nravi. Varna. 1938. – 182 s.

Neklyudov. 2015 – *Neklyudov S. Yu.* Otkuda berutsya oborotni // Oborotni i oborotnichestvo: strategii opisaniya i interpretatsii. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii (Moskva. RANKhiGS. 11–12 dekabrya 2015) / Otv. red. i sost. D. I. Antonov. M.: Izdatelskiy dom «Delo». 2015. S. 7-14.

Ocherki istorii russkoy etnografii, folkloristiki i antropologii. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 1968. Vyp. 4.

Sokolova. 2011 – *Sokolova A. D.* Pokhorony bez pokoynika: transformatsii traditsionnogo pokhoronnogo obryada / Antropologicheskiy forum. 2011. № 15. S. 187-202 // [Elektronnyy resurs]. URL:<http://cyberleninka.ru/article/n/pohorony-bez-pokoynika-transformatsii-traditsionnogo-pohoronnogo-obryada/viewer> (data obrashcheniya: 25.12.2019).

Stepanov. 2001 – *Stepanov V. P.* Trudy po etnografii narodov Bessarabii XIX – nachala XX vekov. Kishinev: Pontos. 2001. – 263 s.

Trefilova. 2019 – *Trefilova O. V.* Pokhoronno-pominalnaya obryadnost odnogo bolgarskogo sela v Valakhii (Rumyniya) // Slavyanskiye arkhaiskiye arealy v prostranstve Evropy. Koll. monografiya / Otv. red. S.M. Tolstaya. M.: Indrik. 2019. – S. 147-187.